

Е.И. Красноперов

**Двадцатипятилетие
Пермского края**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.И. Красноперов**
Двадцатипятилетие Пермского края / Е.И. Красноперов – М.: Книга по Требо-
ванию, 2017. – 206 с.

ISBN 978-5-458-07758-3

Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права царем-освободителем, императором Александром II. Историко-статистический очерк.

ISBN 978-5-458-07758-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

усталаго; увлечеть въ потокъ общей работы на общую пользу силы юноши; поможетъ уяснить пути къ той-же дѣятельности человѣку, терзающемуся сомнѣніями среди личныхъ неудачъ или несчастій; пріумножитъ, наконецъ, силы дѣятеля. Вотъ, только при такихъ условіяхъ, память благодарнаго потомства будетъ голосомъ мысли и сердца, а не праздною рѣчью. И кто знаетъ, быть можетъ даже и тѣ, кто не по своекорыстію и злобѣ, а по разнымъ жизненнымъ недоразумѣніямъ, отшатнулся отъ добраго пути, кто не только не помогаль общему дѣлу, а тормозилъ его, вредилъ ему,—быть можетъ и тѣ, увидѣвъ добрые плоды чуждой имъ дѣятельности и осмысленную радость ея сторонниковъ, почувствуютъ если не угрызёніе совѣсти, то недоумѣніе,—опустятъ руки, угрожающе поднятыя на доброе дѣло, если не въ полномъ раскаяніи, то въ смущеніи, въ тревожномъ вопросѣ: „не ошибались ли мы?“

Казалось бы, что и одинъ прожитый годъ не долженъ бы быть оставляемъ безъ повѣрки и обзрѣнія тѣхъ дѣлъ, какія въ теченіи его совершились,—а тѣмъ болѣе необходимо и съ гораздо болѣшими удобствами можно исполнить этотъ обзоръ за нѣсколько лѣтъ, за десятокъ, за два и болѣе, какъ нынѣ, на примѣръ, когда со времени достопамятнаго событія протекло 25 лѣтъ, четверть вѣка. Событіе, о которомъ мы здѣсь говоримъ, касается всей страны, охватываетъ весь народъ, а потому эта задача въ полномъ ея объемѣ могла бы быть повѣршена только большому числу лицъ, стоящихъ близко къ источникамъ, дающимъ возможность составить въ существенныхъ чертахъ картину роста общественнаго благоустройства страны за четверть столѣтія. Лучшее всего, казалось бы, такой трудъ могъ бы быть раздѣленъ между многими лицами, по районамъ, губерніямъ; на примѣръ. Намѣреваясь исполнить этотъ обзоръ по отношенію къ Пермскому краю, я считаю необходимымъ притомъ въ данномъ очеркѣ связать мѣстную жизнь съ исторіею самаго событія, ставшаго эпохою въ жизни всей Россіи. Безъ этого историческаго введенія и самый обзоръ мѣстной жизни за двадцатипятилѣтіе со времени отмены крѣпостнаго права утратилъ бы надлежащій смыслъ и лишенъ былъ бы необходимаго освѣщенія. Такимъ образомъ, въ настоящемъ историко-статистическомъ очеркѣ, я имѣю задачей рассказать вкратцѣ,

во первыхъ, откуда пошло крѣпостное право, какъ оно развивалось и какъ оно окончилось (въ этомъ *общемъ* историческомъ обзорѣ будутъ отмѣчены также и существенные, относящіяся собственно къ Пермскому краю, факты); и во вторыхъ—объяснить какъ измѣнилось общественное и хозяйственное благоустройство Пермскаго края за послѣднія 25 лѣтъ со времени отмѣны крѣпостного права, на сколько позволяли это сдѣлать извѣстныя мнѣ мѣстныя записи и наблюденія. Отмѣчая всё, что составляетъ приращеніе въ сказанномъ благоустройствѣ, что прямо или косвенно связано съ дѣломъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; что сопутствовало, наконецъ, лучшему самоустройству свободнаго труда, мы не забудемъ здѣсь и тѣхъ обстоятельствъ, которыя указываютъ на преграды и опасности, затрудняющія постепенное развитіе общественнаго и хозяйственнаго благосостоянія.

Станемъ надѣяться, что лѣтопись пятидесятилѣтія нашего края со времени отмѣны крѣпостного права увидитъ, благодаря укрѣпляющейся и развивающейся общественной дѣятельности, на мѣстахъ, гдѣ въ наше время стояли вѣхи заботъ и тревогъ, воздвигнутымъ крѣпкій оплотъ общественнаго благосостоянія и довольства.

II.

Крестьянство до крѣпостной зависимости.

Законъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ послѣдовалъ въ концѣ XVI вѣка, въ царствованіе Θεодора Иоанновича. Но чтобы выяснить первоначальное значеніе этого событія, а также понять сущность всѣхъ тѣхъ послѣдствій, какія имѣло оно на судьбу крестьянъ, необходимо выяснить то положеніе, въ которомъ они находились въ теченіи XVI вѣка и ранѣе.

Крестьяне-пахари не составляли въ древности отдѣльнаго сословія какого-либо особаго имени: весь народъ занимался земледѣіемъ, торговлею и другими промыслами. Но впоследствии люди, различаясь по зажитку и способностямъ, мало по малу образовали два класса, которые именовались въ лѣтописяхъ такъ:

первый — „лучшіе мужи, держащіе землю“; и второй — люди, граждане, народъ, земляне. Этотъ второй разрядъ, наиболѣе многочисленный, впоследствии получилъ общее названіе „крестьянъ“ „людей“. Съ теченіемъ времени дробленіе членовъ русскаго общества пошло далѣе: среди крестьянъ уже образовались „старосты“ и „рядовичи“. Потомъ все крестьянство распалось еще на разряды: живущихъ за княземъ и на живущихъ за боярами; впрочемъ, общественныя права крестьянъ этихъ двухъ разрядовъ были одинаковы. Крестьяне рѣзко отдѣлялись отъ прочихъ классовъ общества, имѣя свое управленіе, своихъ старостъ, безъ различія—жили ли они за княземъ или за боярами, т. е. владѣли ли общинною землею или сидѣли на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Такъ же было и между городскими жителями, гдѣ низшій классъ назывался „черными людьми“. Вообще же, съ теченіемъ времени, низшій классъ русскаго общества образовалъ сословіе *тяглыхъ, черныхъ* людей, на которыхъ преимущественно лежали общественныя повинности и подати. Съ другой стороны, въ средѣ высшаго класса, съ развитіемъ общественной жизни, образовались своего рода разряды, но все они въ общности составляли классъ людей *не тяглыхъ*. На высшемъ классѣ людей лежали по отношенію къ государству своего рода обязанности, какъ то: высшая служба, управленіе и защита края. Впрочемъ, въ старину общество не препятствовало и людямъ низшаго класса, тяглымъ, перечисляться въ высшій, не тяглый классъ, если кто имѣлъ къ тому *способности и средства*. Остановимся теперь на разсмотрѣніи вопроса о томъ, какимъ образомъ отъ средствъ, зажитка, измѣнялось и положеніе человѣка въ обществѣ.

Источникомъ зажитка, при земледѣльческомъ бытѣ страны, служила, разумѣется, *земля*.

Занятіе и разработка земли производились или цѣлою общиною, или однимъ лицомъ съ своимъ семействомъ; отсюда вытекало и двоякое владѣніе землею—*общинное* и *частное* или *вотчинное*. Оставались затѣмъ земли дикія, которыя съ теченіемъ времени занимались мало по малу или общинами, или *заситочнѣйшими* людьми, имѣвшими средства ихъ обрабатывать. Земли общинныя какъ старыя, такъ и новыя, оставались за общинами; на нихъ селились люди *менѣе зажиточные*, которые не имѣли

достаточно средствъ обрабатывать и освоить землю дикую; земли вотчинныя или оставались за вотчинниками по наслѣдству, или передавались ими другимъ вотчинникамъ по частнымъ сдѣлкамъ продажи, мѣны, даренія и проч. Но вотчинники, имѣя въ запасѣ сѣмена, продовольственныя средства, земледѣльческія орудія и рабочей скотъ, имѣли уже возможность обрабатывать землю наемными руками и охотно садили на свои земли бѣдныхъ людей въ качествѣ, по старинному названію, „закуповъ“ или „наймитовъ“, которые по взаимному свободному договору съ владѣльцами работали на вотчинниковъ и на себя, пользуясь, какъ ссудою, перечисленными выше средствами владѣльцевъ. Что касается *общинныхъ* земель, то, при болѣшемъ развитіи государственнаго права на Руси, онѣ мало по малу обратились въ *черныя*, или *государственные*, и считались за княземъ, но не какъ за частнымъ собственникомъ, а какъ за государемъ, почему эти земли впослѣдствіи и назывались *государевыми* землями.

Бѣдные люди, въ свою очередь, охотно шли въ „закупы“, потому что это состояніе было для нихъ ступеню для перехода изъ бездомнаго батрака или „захребетника“ въ члены свободной сельской общины, съ правомъ на полученіе участка общинной земли, а при болѣшемъ счастіи—даже ступеню къ переходу въ мелкіе поземельные собственники, которые въ старину назывались „крестьяне—своеземцы“.

Вообще, въ древности, поземельная собственность никогда не была исключительнымъ правомъ какихъ либо привелигированныхъ классовъ: вотчинныя земли, или поземельную собственность, одинаково имѣли за собою и князья, и бояре, и духовенство, и купцы, и крестьяне. Такое явленіе считается даже отличительною чертою древней Русской исторіи отъ исторіи другихъ государствъ Европы, основанныхъ завоеваніемъ.

Здѣсь мы должны остановить особенное вниманіе на „закупахъ“, которымъ придавалось еще названіе „ролейныхъ“ (пахотныхъ), что прямо указываетъ на ихъ непосредственную связь съ землею.

Въ сводѣ узаконеній XI столѣтія, называемомъ „Русскою Правдою“, видно, что закупы отличались отъ рабовъ, такъ какъ, въ 1-хъ, закупы призывались въ свидѣтели на судѣ, а рабы нѣтъ;

во 2-хъ, за обиду закупа полагалась пеня, а за раба вѣтъ, такъ какъ послѣдній считался вещью, собственностію господина, а не членомъ общества; въ 3-хъ, закупъ только за побѣгъ отъ господина безъ расчета съ нимъ и за воровство обращался въ рабы. Закупы, какъ свободные члены Русскаго общества, имѣли по закону право защищать себя судомъ даже противъ своего господина. Господинъ, осмѣлившійся продать закупа, или заложить въ рабы, не только лишался своихъ правъ на закупа, но даже терялъ право и на тѣ деньги, по которымъ закупъ поступилъ къ нему въ закупы, и, сверхъ того, долженъ былъ заплатить закупа за обиду 12 гривенъ, самую большую неуголовную пеню по „Русской Правдѣ“. Далѣе, закупы могли отходить отъ своего господина, выплативши занятыя деньги или сдѣлавши съ нимъ расчетъ въ обязательствахъ, какія были между ими и хозяиномъ. Наконецъ, ролейные закупы, каждая семья, жили своимъ мелкимъ хозяйствомъ и, кромѣ работъ на господина, работали на себя господскимъ же рабочимъ скотомъ и орудіями и на господской землѣ.

По Псковской судной грамотѣ, относящейся къ концу XIII и началу XIV вѣка, положеніе крестьянъ, жившихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, было таково: 1) крестьянинъ могъ отойти отъ господина, оставить его землю, ежели находилъ это выгоднымъ; равнымъ образомъ и господинъ могъ сослать крестьянина съ земли, ежели не хотѣлъ держать его. Требовалось только одно, чтобы отказы съ той и другой стороны производились въ одинъ срокъ въ году: „о Филиповскомъ заговѣнѣ“, какъ въ такое время, которое свободно отъ земледѣльческихъ работъ; кромѣ этого срока ни господинъ не могъ отказать крестьянину, ни крестьянинъ отказаться отъ господина. 2) Зажиточные крестьяне могли жить на землѣ господина и безъ его сууды (покруты), а бѣдные вынуждены были брать покрутѣ; отсюда происходила лишь разница въ денежныхъ расчетахъ при отходѣ. Въ случаѣ споровъ, такъ-вые рѣшались при 4 постороннихъ свидѣтеляхъ и подъ присягою. 3) Законъ признавалъ собственность за крестьяниномъ, живущимъ на господской землѣ, и охранялъ эту собственность не только въ случаѣ смерти крестьянина, но даже въ случаѣ побѣга

покрутнаго крестьянина, тогдашнимъ судомъ. 4) Законъ, съ одной стороны, допускалъ судебные иски крестьянина не только на постороннихъ лицъ, но и на господина, у котораго онъ жилъ, а съ другой — охранялъ и интересы господъ, относительно взысканія съ крестьянъ сеуды не только по записи, но и безъ записи.

На основаніи Русской Правды и Псковской грамоты, крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, кромѣ отношеній къ землевладѣльцу; чисто частныхъ, гражданскихъ, основанныхъ на взаимномъ гражданскомъ условіи, имѣли еще отношенія общественныя, публичныя, какъ члены той или другой общины; землевладѣлецъ не былъ собственникомъ крестьянина и его имущества; крестьянинъ былъ членомъ общины и въ отношеніяхъ публичныхъ подчинялся общиннымъ начальникамъ, старостамъ, которые и защищали его противъ господина, землевладѣльца.

По княжескимъ грамотамъ XIV и XV столѣтій законъ и жизнь признавали всѣхъ крестьянъ людьми вольными, свободными членами Русскаго общества, имѣющими свои права и обязанности и нисколько не связанными съ землею, на которой они сидятъ. Изъ купчихъ, данныхъ, закладныхъ и всѣхъ актовъ передачи недвижимыхъ имуществъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, видно, что въ этихъ сдѣлкахъ имущества переходятъ съ челядью (рабами), домашнею скотиною, съ разными угодьями и доходами, даже съ „серебромъ“ на крестьянахъ (платежами за осѣдность или покругу), но нигдѣ съ крестьянами: крестьяне, какъ люди свободные, не принадлежащіе къ имѣнію, въ купчихъ и закладныхъ не пишутся. Въ описываемое время сельскіе и городскіе крестьяне или *черные люди* раздѣлялись на *тяглыхъ* и *не тяглыхъ*, или *вольныхъ*. Здѣсь тяглыми людьми назывались лишь *домохозяева*, записанные въ общину, отъ своего лица владѣвшіе землею, хотя бы и не въ собственность, и платившіе съ земли подати и отбывавшіе повинности; не тяглыми же назывались тѣ, которые не были прямыми членами общины и жили на землѣ и владѣли землею не отъ своего лица, а поэтому и въ общинныя раскладки („разрубы“ и „разметы“) не тянули: таковы были всѣ захребетники, дѣти при отцахъ, родственники при домохозяевахъ, приемыши, приходящіе работники и „подсудники“. Это раздѣленіе крестьянъ на тяглыхъ и вольныхъ, получившихъ въ пос-

лѣдствіи: официальное названіе *гулящихъ людей*; имѣетъ особенное значеніе въ дѣлѣ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, о чемъ рѣчь будетъ впереди. Крестьяне, жившіе въ описываемое время на чужой землѣ, т. е. на землѣ частныхъ собственниковъ,—князя, боярина, монастыря, купца, крестьянина, занимали землю только по взаимному соглашенію съ землевладѣльцемъ, и при недостаткѣ такового согласія, не могли оставаться на такой землѣ: земли эти вполнѣ принадлежали своему собственнику, и крестьянинъ сидѣлъ на ней въ качествѣ безсрочнаго жильца,—могъ просидѣть на ней цѣлую жизнь и даже передать землю своимъ дѣтямъ; но могло быть и такъ, что чрезъ годъ, около Юрьева дня осенняго, онъ или самъ оставлялъ землю, или хозяинъ ссылалъ его. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы переселенія крестьянъ съ одной земли на другую были общимъ правиломъ,—это скорѣе были исключенія, по крайней мѣрѣ въ XIV и XV столѣтіяхъ, такъ какъ во всѣхъ грамотахъ встрѣчаются упоминанія о старожильцахъ, какъ на общинныхъ, такъ и на частныхъ земляхъ, а старожильцы не рѣдко говорятъ, что иной живетъ на занимаемой землѣ 20, иной 30, 40, 50, 80 лѣтъ, что и дѣды и отцы его жили на этой же землѣ. Крестьянинъ, жившій на чужой землѣ, имѣлъ право обрабатывать ее и пользоваться ея плодами, дѣлясь ими съ господиномъ на половину (испольники), или по другимъ условіямъ; онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвѣчалъ на занятой имъ землѣ передъ правительствомъ; онъ платилъ съ земли подати въ казну, какъ членъ общества; по землѣ онъ тянулъ судомъ и данью и иными пошлинами: земля, хотя и чужая, сообщала ему характеръ владѣльца, по землѣ онъ былъ не батракомъ, а съемщикомъ домохозяиномъ. Но и крестьянинъ, съ своей стороны, сообщалъ чужой, находящейся въ его пользованіи, землѣ особенное значеніе: онъ не только заставлялъ ее приносить плоды для себя и господина, но и само государство получало съ земли доходъ только потому, что на ней живетъ крестьянинъ. Надо при этомъ замѣтить, что съ земли пустыющей, не жилой, не бралось податей; равнымъ образомъ и земля, воздѣлываемая рабами господина, также не считалась тяглою землею. Отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ въ описываемое время разнообразны, а именно: крестьянинъ, во 1-хъ, могъ жить на господской землѣ совершенно пустой, на лѣсу, и

расчищать и обрабатывать ее, строить на ней дворъ и проч. своими средствами; даже могъ селить на ней другихъ крестьянъ, давать имъ льготы и дѣлать разныя условія; во 2-хъ, могъ селиться на господской землѣ, уже прежде обработанной, и занять дворъ, построенный господиномъ, но обрабатывать землю своими орудіями, своимъ рабочимъ скотомъ, безъ всякаго пособія отъ землевладѣльца; въ 3-хъ, могъ селиться на господской землѣ и получать отъ господина рабочей скотъ и орудія, даже хлѣбъ на прокормъ и сѣмена и, сверхъ того, денежное пособіе или ссуду.

Въ описываемое время, т. е. въ XIV и XV столѣтіяхъ, какъ и прежде, крестьяне по отношенію другъ къ другу составляли общины, которыя имѣли своихъ выборныхъ начальниковъ, головъ, сотскихъ, старостъ и другихъ. Это было общимъ правиломъ для крестьянъ, поселившихся какъ на *черныхъ* земляхъ, государевыхъ, такъ и на владѣльческихъ. Всѣ крестьяне, какъ городскіе, такъ и сельскіе, и какъ жившіе на собственныхъ земляхъ, такъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, были подчинены намѣстникамъ, волостелямъ и другимъ начальникамъ, назначаемымъ отъ правительства, доставляли имъ кормы и другіе узаконенные доходы, платили подати, справляли службы и отбывали повинности. Въ видѣ исключенія встрѣчались случаи, когда по особой милости государей нѣкоторымъ землевладѣльцамъ предоставлены были права вѣдать и крестьянскія общественныя отношенія, а также были случаи, когда нѣкоторыя имѣнія,—собственно крестьяне, поселенные на владѣльческихъ земляхъ,—отъ податей и повинностей освобождались по особымъ жалованнымъ грамотамъ, выдаваемымъ на лицо. Такія грамоты давались, напримеръ, въ предѣлахъ нынѣшней Пермской губерніи, Строгановымъ на урочные годы, на 10—20 лѣтъ, въ отдѣльности на ту или другую мѣстность, впервые устраиваемую и населяемую съ помощію владѣльцевъ пришлыми людьми.

Въ описываемое время черные люди, или крестьяне, какъ городскіе, такъ и сельскіе свободно могли переходить изъ городовъ въ деревни и изъ деревень въ города,—и какъ отъ частныхъ землевладѣльцевъ на общинныя земли, такъ и на оборотъ; во съ тѣмъ, во первыхъ, ограниченіемъ, что садиться на земли могли не иначе, какъ съ согласія или общинъ и общинныхъ начальни-

ковъ, — въ городѣ сотниковъ, въ волостяхъ — старостъ, — или съ согласія землевладѣльцевъ, если садились на частныхъ земляхъ. Другое ограниченіе касалось собственно тяглыхъ людей: переходъ тяглаго человѣка допускался только въ двухъ случаяхъ: или когда община согласится отпустить желающаго ее оставить, или когда выходящій изъ общины дастъ за себя „окупъ“. Собственно свободный переходъ съ одной земли на другую безусловно дозволялся только людямъ вольнымъ, которые жили за чужимъ тягломъ, не имѣли своей выти или доли общинной земли. Причина такого ограниченія состояла въ томъ, что всѣ тяглые люди вносились въ писцовую книгу, съ отмѣткою противъ каждой выти земли, съ котѣрой должно было платить подати, подъ отвѣтственностію общины. Въ случаѣ выхода изъ общины тяглеца, община раскладывала причитающійся на его долю платежъ на прочихъ своихъ членовъ до новыхъ писцовыхъ книгъ. Впрочемъ это ограниченіе стѣсняло лишь переходъ, но не избавляло общины отъ побѣговъ ея тяглыхъ людей. Побѣги эти особенно усилились во время удѣловъ, вслѣдствіе чего инья княжества вдругъ пустѣли, а другія быстро и густо заеялись. Третье ограниченіе переходовъ заключалось въ назначеніи законами срока въ году, мимо котораго крестьянинъ не могъ переходить съ одной земли на другую — Юрьева дня осеняго *). Здѣсь собственно принять только частный интересъ: или крестьянина, или землевладѣльца, — другихъ цѣлей, общественныхъ, законъ здѣсь не имѣлъ въ виду.

Положеніе крестьянъ въ XVI вѣкѣ опредѣляется *Судебниками* 1497 и 1550 годовъ въ сущности такимъ-же, какимъ оно было и прежде. Судебники имѣли въ виду большею частію не введеніе новыхъ законовъ, а преимущественно утвержденіе верховною властію обычаевъ, выработанныхъ жизнію Русскаго общества. Что касается въ частности свободнаго перехода крестьянъ съ однихъ земель на другія, то Судебники даже во многомъ облегчали этотъ переходъ, отдѣливши отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ по ссудамъ отъ отношеній по землѣ и яснѣ опредѣливши поземельныя отношенія.

*) Право крестьянина оставить владѣльца не ограничивалось собственно однимъ днемъ въ году: каждый крестьянинъ могъ воспользоваться своимъ правомъ вольнаго перехода въ теченіи двухъ недѣль въ году: недѣлю до Юрьева дня и недѣлю послѣ него.

Не только относительно крестьянъ, но и холоповъ Судебники проявили направленіе скорѣе къ ограниченію рабства, нежели къ его распространенію и это обстоятельство мы считаемъ не лишнимъ здѣсь, между прочимъ, выяснить. Мы уже упоминали о томъ, что въ старину на Руси существовали рабы въ полномъ значеніи этого слова. Число этихъ рабовъ, или полныхъ холоповъ, было незначительно, образовавшихся частію изъ военнопленныхъ, частію изъ людей, добровольно продавшихся въ полное обильное холопство, и изъ нѣкоторыхъ преступниковъ, по закону отданныхъ въ рабство. Говоря о Судебникахъ, мы должны здѣсь прибавить, что хотя они и позволяли господамъ выкупать крестьянъ въ судебныхъ искахъ, но это еще не обращало крестьянина обязательно въ холопа, какъ это было во времена Русской Правды, а зависѣло отъ воли выкупаемаго лица: онъ могъ и дать на себя кабалу и остаться свободнымъ. Рабство или полное холопство ставили раба или полного холопа въ безусловную личную зависимость отъ господина; эта зависимость была потомственной и наследственной, т. е., съ одной стороны, зависимость переходила на дѣтей холопа, а съ другой, право на владѣніе холопомъ и дѣтьми его переходило наследникамъ господина. Потомственность, соединенная съ наследственностію, носила названіе *старинны*: сынъ полного холопа, родившійся въ холопствѣ и по холопству отца холопившій его „государю“ или наследнику этого государя, назывался полнымъ *стариннымъ* холопомъ. Рядомъ съ полнымъ холопствомъ существовало еще холопство условное, *кабальное*. Кабальные холопы давали на себя кабалу тому или другому лицу по своей волѣ; основаніемъ кабалы былъ заемъ, а ростъ замѣнялся личнымъ услуженіемъ должника займодавцу, — условія кабалы опредѣлялись добровольнымъ уговоромъ обѣихъ сторонъ. Семейнинъ, дававшій на себя кабалу, закабалялъ займодавцу и семью свою; но этотъ видъ холопства прекращался или смертію господина, или урочными лѣтами, на которыя была условлена кабала. Кромѣ того, кабальный холопъ, выходя на волю, при жизни или по смерти господина, выводилъ изъ неволи и жену съ дѣтьми, которыхъ онъ закабалилъ вмѣстѣ съ собою или нажилъ во время холопства. Во всякомъ случаѣ кабальный холопъ на время кабалы стоялъ въ такой же зависимости отъ